

и остался очень доволен: тотъ меланхолическій видъ тихой и романтической грусти, который ему нѣкогда такъ понравился въ дѣвущѣ, теперь уже окончательно не подходилъ къ его цѣлямъ.

Впрочемъ, и на всѣхъ это Варино настроеніе подѣйствовало очень хорошо. Всѣ какъ-то вдругъ сдѣлались остроумны и общій разговоръ закипѣлъ точно игристое вино. Одинъ только Захаръ Ивановичъ былъ недоволенъ; какъ нарочно онъ для этого вечера принесъ съ собою чисто и красиво переписанный проектъ, въ которомъ выгоды и удобства сахарнаго завода были изложены съ вопіющей убѣдительностью. Чтобы предъявить его, онъ только ждалъ обычнаго раздѣленія общества, — когда графъ уходилъ къ роялю и заводилъ съ Варей нескончаемые разговоры, перемежая ихъ длиннымъ цѣлованіемъ ея рукъ, а Волхонскій съ Лукавинымъ присоединялись къ Захару Ивановичу. Но теперь нечего было и думать объ этомъ раздѣленіи. — «Эка, разошлась!» — съ досадою помышлялъ онъ, наблюдая за смѣющейся Варей, которая разспрашивала Лукавина, какъ онъ, не зная англійскаго языка, ѣздилъ въ Англію. И Петръ Лукьянычъ, покинувъ вѣчную свою сдержанность и безпрестанно сверкая остѣпнительными своими зубами, какъ бы нарочно выдумывать комичныя подробности; представлялъ въ лицахъ мимическіе свои переговоры съ извозчикомъ въ Лондонѣ, смѣшно намекалъ, къ какому неожиданному результату эти переговоры привели... А Алексѣй Борисовичъ быстро подхватывалъ тему и вспоминалъ свои походы въ Венеціи, свои попытки объясняться съ гондольерами на языкѣ Горациа и Овидія Назона (по-итальянски онъ не зналъ).

Не отставалъ и Облѣпшцевъ. Съ мечтательной улыбкой, составлявшей странную противоположность пикантному предмету рѣчи, онъ ворошилъ свои мадридскія воспоминанія; рассказывалъ, какъ его едва не поколотилъ буйный тореадоръ, при которомъ онъ непочтительно отозвался о способности Сантъ-Яго Компостельскаго испѣлать вывихнутые члены... Но и Захаръ Ивановичъ недолго сидѣлъ одинокимъ. Варя быстро посмотрѣла на него и спросила о здоровьи парового плуга. Это возбудило любопытство. Тогда Варя въ забавныхъ выраженіяхъ представила неудачу опыта, насмѣшки крестьянъ, жалостное смущеніе Захара Ивановича. И сама хохотала какъ безумная. Захаръ Ивановичъ оправдывался такъ же неповоротливо, какъ и ходилъ, и путался въ фразахъ точно въ тенетахъ.

Но Варя не дождалась окончанія этихъ неужюжихъ оправданій. — «Ахъ, messieurs, давайте танцовать кадрили!» — воскликнула она и съ лихорадочной поспѣшностью вскочила съ мѣста.